

К. Н. Леонтьевъ. какъ религіозный мыслитель.

Къ уясненію вопроса объ отношеніи христіанства къ благоустроенію земной жизни.

ВВЕДЕНИЕ.

Религія есть связь человѣка съ Богомъ--реальнымъ, опредоточіемъ абсолютныхъ цѣнностей.

Въ такомъ своемъ, хотя и общемъ, но безспорномъ значеніи религія есть прежде всего *жизнь* человѣка, а затѣмъ совокупность опредѣленыхъ, разумомъ осознанныхъ истинъ: если гдѣ, то здѣсь имѣеть свое мѣсто извѣстный афоризмъ: „*primus vivere, deinde philosophare*“ . Будучи по самой своей природѣ отраженіемъ Бога, человѣкъ инстинктивно стремится къ Нему, какъ цвѣтокъ стихійно повертыаетъ свою головку къ солнцу, въ которомъ для него и свѣтъ, и жизнь. Одаренный разумомъ, самосознаніемъ отграниченный ото всего органическаго и животнаго міра, человѣкъ прежде всего *фактически* стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ своему Первообразу, а затѣмъ въ результатѣ методического размыщенія надъ основными требованиями своей природы и фактами религіозной жизни построить ту или другую *систему* религіозныхъ истинъ.

Въ данномъ нами общечеловѣческомъ опредѣлениіи религіи заключены три основныхъ вопроса: Богъ, человѣкъ и взаимное отношеніе между ними. Въ жизненномъ разрѣшеніи и теоретическомъ формулированіи означенныхъ вопросовъ и состоить религія человѣка.

Правда о Богѣ, правда о человѣкѣ, правда объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ несеть въ себѣ и проблему объ отношеніи религіи къ земной жизни человѣка. Неразрывная часть земного мірового бытія—человѣкъ не можетъ относиться къ Богу впѣ своей природной неотъемлемой формы. Вопроѣ другой, считать ли земную жизнь зломъ, отъ которого необходимо возможно скорѣе освободиться, какъ отъ оковъ духа, или добромъ, которое налагаетъ на человѣка известныя *положительныя* обязанности, но религіозной жизни нельзя представить безъ этой проблемы, быть можетъ, самой существенной. Исторія всѣхъ религій служитъ фактическимъ подтвержденіемъ тому.

Сказанное нами о религіи естественной въ полной мѣрѣ примѣнно и къ религіи положительной—сверхъестественной.

Христіанская религія есть союзъ Бога и человѣка, реально осуществленный въ Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа и тѣмъ самымъ установленный для всѣхъ людей въ качествѣ главнѣйшей и необходимой задачи жизни.

Основоположность Іисуса Христа для нашей вѣры заключается прежде всего и болѣе всего въ томъ, что Онъ въ Своей земной жизни самымъ подлиннымъ образомъ осуществилъ общерелигіозный идеалъ богоподобія, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, если онъ не хочетъ безъ слѣда раствориться въ позшемъ тварномъ бытіи. Богочеловѣческая Личность Христа въ цѣльности ея обнаруженій въ теченіе земной жизни—вотъ Спаситель и Учитель міра! Безконечно превосходя Своихъ предшественниковъ-пророковъ именно этою стороною, а не только или даже не столько Своими словами, Христосъ Одинъ только могъ къ Себѣ лично обращать взоры Своихъ „друзей“. „Я есмь путь и истина и жизнь“ (Іоан. XIV, 6), „Я свѧтъ міру, Я дверь овцамъ“ (Іоан. X, 7), говорить Онъ намъ. „Сияне Славы Отчей и Образъ Гностаси Его“ (Евр. 1, 3), Христосъ въ Своемъ Лицѣ

принесъ на землю истину о Богѣ въ существенно новой степени. До Христа Богъ вѣдомъ былъ человѣку со стороны Своихъ безграничныхъ свойствъ, и, какъ таковой, былъ далекъ и чуждъ ему. Идея Бога въ Его, выражаясь принятой философской терминологіей, онтологическихъ свойствахъ, во Христѣ получаетъ свою плоть и кровь, дѣлается близкой и понятной по своимъ идеальнымъ опредѣленіямъ: „*Я открылъ имя Твое человекамъ*“, говорилъ Спаситель предъ Свою смертью (Іоан. XVII, 4, 6).

Будучи человѣкомъ во всемъ подобнымъ намъ, кроме грѣха, Іисусъ Христосъ Своимъ Лицомъ принесъ на землю истину о человѣкѣ. Боровшійся со зломъ въ единстве Своего божественного и человѣческаго естества и въ этой борьбѣ неизмѣнно подчилявшійся голосу Отца (Ме. XXVI, 39; Марк. XIV, 36; Лук. XXII, 42), Іисусъ Христосъ въ Своемъ Лицѣ явилъ намъ образъ взаимнаго отношенія Бога и человѣка.

При толкованіи христіанства—особенно когда подходитъ къ нему съ предвзятымъ намѣреніемъ увидать въ немъ „естественную“ религію—къ сожалѣнію, не обращаютъ должнаго вниманія на Самый Образъ Христа, чутъ не исключительно останавливаясь на Его словахъ, по самому своему существу всегда опредѣляющихъ истину съ одной лишь стороны и потому не покрывающихъ ее: „тамъ, где истинно вѣрующій видитъ стройный высоко-художественный храмъ, предвзятая критика смотрить лишь на отдаленныя части его“ (Вл. Соловьевъ). А сколько бы отпало ненужныхъ споровъ о взаимномъ противорѣчіи тѣхъ, или иныхъ словъ Спасителя, мелочныхъ придиrokъ къ нимъ, если бы христіанство судили прежде всего и болѣе всего Цѣльною Личностью его Основателя!..

Жизнь Христа по общему закону человѣческой природы нашла и свое вѣнчаное словесное выраженіе, свою теоретическую формулу—источникъ христіанской догматики. Издѣсь

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1909 г.

мы видимъ недоступную для простого человѣческаго ума въ отношеніи творчества цѣльную систему религіознаго вѣданія о Богѣ, человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи.

Принесенная на землю Христомъ религіозная правда о Богѣ и человѣкѣ конкретно является истиной объ отношеніи христіанина къ земной жизни и ея благоустроенію.

Вотъ уже скоро два тысячелѣтія существуетъ Христова вѣра, а споры о существѣ ея не только не утихаютъ, но, кажется, еще болѣе усиливаются. И это не только,— болѣе того: не столько въ средѣ его враговъ, сколько среди его послѣдователей.. И если бы хотѣли указать самый жгучій вопросъ, который раздѣлялъ послѣдователей Христа на два враждебныхъ лагеря—порой до зловѣщаго пламени инквизиціонныхъ костровъ, то этимъ раздѣляющимъ пунктомъ было различное отношеніе къ землѣ и ея благамъ. Небо и земля—вотъ основная антиномія христіанства, пре-ломляемая въ волѣ и сознаніи человѣка въ антиномію духа и плоти!

Есть ли мѣсто въ настоящій моментъ новымъ научнымъ работамъ въ сферѣ проблемы—христіанство и міръ?

Думаемъ, есть и всегда будетъ.

Человѣческій духъ безграничень въ своемъ развитії. Каждый даже небольшой періодъ времени открываетъ въ немъ новые запросы, новая чаянія... И въ каждую отдельную эпоху люди *по своему* подходятъ и къ учению Христа...

Съ другой стороны, нѣтъ ни одного вопроса въ современномъ уточненіи и изощренномъ человѣческомъ умѣ, который быль бы неизвѣстенъ христіанству, и на который оно не давало бы своего отвѣта: возможностью быть одновременно „ручьемъ, въ которомъ свободно купается слонъ, и который также легко проходитъ младенецъ“, болѣе всего свидѣтельствуетъ Его божественное происхожденіе...

Проблема „христіанство и міръ“ въ переживаемое время ставится иначе, чѣмъ, скажемъ, двадцать или даже десять лѣтъ раньше.—сегодня иначе, чѣмъ вчера. Это первое.

Русская богословская наука послѣдняго времени дала не мало трудовъ, замѣчательныхъ по широтѣ захвата, глубокихъ по вникновенію въ суть дѣла. Но и здѣсь въ извѣстной мѣрѣ примѣнимы слова одного изъ новѣйшихъ философовъ: „У каждой души есть свой міръ; для каждой души другая душа—міръ по ту сторону“... И глубокое чувствоуваженія, съ которымъ относится авторъ этихъ строкъ къ работамъ людей подлинной науки, не освобождаетъ его отъ неотложной обязанности и съ своей стороны если не решить, то поставить по своему нѣсколько вопросовъ, связанныхъ съ поставленной проблемой, и тѣмъ самымъ внести и свою скромную долю въ общиј трудъ на нивѣ уясненія Христова ученія...

Двумя путями можно итти въ решеніи данной проблемы. Первый—путь большихъ талантовъ и огромныхъ, увы! не всякому доступныхъ, знаний,—путь систематического уясненія и раскрытия всѣхъ главныхъ и частныхъ вопросовъ, входящихъ въ проблему „христіанство и міръ“. Таковы системы Вл. С. Соловьева, профессоровъ Тарщева, Несмѣлова, о. Свѣтлова. Второй болѣе скромный путь—уясненіе означеныхъ вопросовъ богословскою провѣркою выдающихся гениевъ религіи и мысли. Послѣдній путь избранъ нами. И тѣмъ лицомъ, черезъ мысли которого хотимъ мы подойти къ уясненію христіанского ученія о цѣнности земной жизни, служить забытый, но не менѣе оттого великий, религіозный мыслитель Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ.

Кому и что говоритъ имя Константина Леонтьева?

„Бываются писатели съ невыразимо печальной судьбой, неузнанные, непонятые, никому не пригодившіеся, умирающіе въ духовномъ одиночествѣ, хотя по дарованіямъ, по уму, по оригинальности они стоятъ многими головами выше признанныхъ величинъ. Таковъ былъ Константинъ Леонтьевъ, самый крупный, единственный крупный мыслитель изъ консервативнаго лагеря, да и вообще одинъ изъ самыхъ блестящихъ и своеобразныхъ умовъ въ русской литературѣ...

Бѣдный Константи^н Леонтьевъ: его хуже, чѣмъ не знаютъ, самые образованные люди смѣшиваются его съ скучнымъ классикомъ Леонтьевымъ, соредакторомъ Каткова по «Русскому Вѣстнику»... К. Леонтьевъ — страшный писатель, страшный для всего исторического христіанства, страшный и соблазнительный для многихъ романтиковъ и мистиковъ. Этотъ одинокій, почти никому неизвѣстный русскій человѣкъ во многомъ предвосхитилъ Ницше¹, такими словами начинаетъ свою статью о Леонтьевѣ Н. А. Бердяевъ... „Человѣческое достоинство мы должны оцѣнивать не по судьбѣ, а по залогамъ души. И по такой оцѣнкѣ достоинство Леонтьева — чрезмѣрно, удивительно. Пропасть великий мужъ по Руси — и легъ въ могилу. Ни звука при немъ о немъ; каркашемъ воронъ онъ встрѣченъ и провоженъ. И легъ и умеръ въ отчаяніи, съ талантами необыкновенными”, такими словами заканчиваетъ другой писатель (В. В. Розановъ) свое предисловіе къ изданнымъ имъ письмамъ Леонтьева... Вл. С. Соловьевъ ставилъ Леонтьева „много выше Каткова, И. С. Аксакова”. Н. Н. Страховъ, С. А. Рачинскій, такъ легко нащедшіе свою дорогу въ жизни, преклоняясь предъ необыкновенными талантами Леонтьева и, ненавидя его, боялись... Такъ говоритьъ В. В. Розановъ. Однако онъ, не совсѣмъ точенъ. О Леонтьевѣ намъ павѣстно до 80-ти болѣе или менѣе обстоятельныхъ статей, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. И ни одинъ отзывъ, включая сюда поверхностныя статьи нѣкоторыхъ газетъ, ни одинъ, говорю, отзывъ не могъ отрицать удивительной умственной и художественной силы Леонтьева: такъ ярко и для плохо зрячихъ блестѣла эта русскій самородокъ!..

И при всемъ томъ неувѣзанный, непонятый, въ духовномъ одиночество сопель онъ въ могилу.

Перечитывая удивительные письма Леонтьева, его предсмертныя „замѣтки” на двухъ объемистыхъ тетрадяхъ по поводу различныхъ статей, какъ-то невольно прони-

каешься его мыслью и глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что надъ нимъ тяготѣлъ особый рокъ, „*fatum*“, какъ онъ любилъ выражаться, „Десница“, „Прорицаніе“.

Первоклассный мастеръ въ области литературы, художественный талантъ которого такъ высоко ставилъ И. С. Тургеневъ, не говоря о другихъ, — философъ, соціологъ, эстетикъ, до поразительности напоминающій собою Ницше не только по мыслямъ, но даже и по отдѣльнымъ афоризмамъ, по справедливому слову В. В. Розанова *plus Nietzsche, que Nietzsche tême*, — на почвѣ своей историко-соціальной теоріи едва-ли не самый сильный и опасный критикъ славянофильства золотой его поры, что впрочемъ не мѣшало его самого отводить за одну скобку съ Кирѣевскимъ и Аксаковымъ, — религіозный мыслитель, какъ никто изъ свѣтскихъ людей вникавшій въ сущность православія съ его жизненнымъ выраженіемъ — монашествомъ (Леонтьевъ во вторую половину своей жизни самъ былъ тайнымъ монахомъ), — наконецъ, церковный публицистъ, за много лѣтъ, вопреки общему мнѣнію, включая сюда Каткова, предусматривавшій въ точности исходить современныхъ ему балканскихъ событий (особенно въ отношеніи греко-болгарской церковной распри), — Константинъ Леонтьевъ систематически замалчивался всѣми — и врагами, и друзьями. Его идеи, высказанныя другими, высказанныя хуже и безталантье, открывали дорогу авторамъ ихъ къ сердцамъ людей. А Леонтьевъ какимъ-то рокомъ отброшенъ въ семью писателей для полокъ библіотекъ съ ихъ скучнымъ, тусклымъ, печальнымъ бытіемъ!

Остановимся на нѣсколько минутъ здѣсь, ранѣше полной біографії Леонтьева, на одномъ весьма важномъ для оцѣнки этой личности душевномъ, тяжеломъ переживаніи его. „При моей вѣрѣ въ мистическую начала, писалъ Леонтьевъ В. В. Розанову, вамъ, конечно, не покажется страннымъ, что я придаю большое значеніе моему заочному знакомству съ вами именно *тогда*, когда во мнѣ случился

особаго рода внутренній переломъ¹⁾): до прошлаго года я считалъ тотъ день потеряннымъ, въ который я не писалъ. Несмотря на то своего «вліяння», при всемъ желаніи утѣшить себя иллюзіей, я нигдѣ открыть не могу. Конечно, я говорю о вліяніи *серъезномъ*, вродѣ вліянія Каткова, Л. Толстого, Достоевскаго, Добролюбова и Писарева въ свое время, а не о какомъ-нибудь *succes d'estime*, вродѣ Страхова и т. п. Такимъ-то и я давно пользуюсь. Но вѣдь это для усталыхъ чувствъ и угасающихъ мыслей—возбужденіе слабое!“

„Какая урожденная потребность писать и почти полуувѣковое абсолютное невниманіе общества къ писателю, почти полная его нѣчитаемость!“—дѣлаетъ къ этому мѣсту примѣчаніе В. В. Розановъ,—„мисль о мукахъ Тантала, я думаю, никогда еще не имѣлъ для себя такой иллюстраціи, какъ въ этомъ своеобразномъ писатель съ своеобразной, *поразительной судьбою*“.

Помянутыя нами выше, къ сожалѣнію, пока еще не опубликованныя въ печати тетради пестрятъ замѣчаніями Леонтьева о *фатальномъ* стечениі крупныхъ и мелкихъ обстоятельствъ, мѣщавшихъ ему дойти до сердца того народа, которому онъ такъ жаждалъ отдать свою душу со всѣми ея чаяніями и со всѣми страхами.

Извѣстный писатель Вс. Крестовскій дѣлаетъ восторженный отзывъ въ „Русск. Вѣстнѣкѣ“ о восточныхъ повѣстяхъ Леонтьева, называя ихъ „прелестнѣйшей эпопеей изъ эллинискаго быта“. Въ отдельномъ изданіи Крестовскаго этого эпизода не оказалось. „Почему, спрашиваетъ Леонтьевъ въ своемъ NB., онъ это выбросилъ? По какому второстепенному соображенію—я никогда не хотѣлъ у него спросить. Все я думаю тоже—

¹⁾ Разумѣется окончательный переломъ въ сторону религіознаго аскетизма.

мой *fatal* въ литературѣ. Чтобы нѣсколькими человѣками знающими мени было *меніше*¹⁾. Къ отзыву О. А. Новиковой—въ высшей степени хвалебному—о сочиненіяхъ Леонтьева въ одной французской статьѣ, печатавшейся въ „*Nouvelle Revue*“ 1882, 15, Леонтьевъ дѣлаетъ такую приписку: „И. С. Аксаковъ и не разъ и мнѣ самому восторженно отзывался о моихъ сочиненіяхъ... И. С. Аксаковъ быль такъ нерасположенъ ко мнѣ (вѣроятно, за неожиданные для него рѣзкіе выводы изъ стараго славянофильства), что, по увѣренію О. А. Новиковой, она должна была *потребовать* отъ него, чтобы онъ не вычеркивалъ изъ ея статьи объ Эмерсонѣ¹⁾ *его же собственнаю мнѣнія*, которое онъ на словахъ обнаруживалъ, а въ печати утаивалъ. Она сдѣлала ему уступку все-таки хоть тѣмъ, что не наезвала его! Это быль одинъ изъ благороднѣйшихъ нашихъ дѣятелей! Твердый, смѣлый, независимый. Какъ же это объяснить? Тѣмъ болѣе это странно, что въ повѣстяхъ-то *ничега нѣть противъ юго-славянъ*“.

Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (1882, 26) напечатанъ очень хороший отзывъ о брошюре Леонтьева „Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ“. Леонтьевъ пишетъ свое №3: „Брошюра эта была создана мною въ 1881 году. Никто не обратилъ на нее вниманія, кромѣ Петра Евгеньевича Астафьова, который, встрѣтивши меня у двоюродного брата въ его Боборыкинѣ, воскликнулъ: «Рѣшаюсь Вамъ сказать, что это почти геніальная вещь». Черезъ годъ или даже два (1883) О. А. Новикова, пріѣхавши изъ-за границы, по знакомилась съ нѣкоторыми изъ моихъ сочиненій, изумилась, почему ихъ замалчиваютъ, и обратилась съ настояніями напечатать хотя бы и очень поздній отзывъ къ Федору Александровичу Гилярову (племяннику редактора «Соврем. Извѣстій» Никиты Петровича Гилярова-Платонова и сотруд-

¹⁾) Печат. въ „Руси“ Аксакова.

нику его). Этот весьма умный, тонкий и весьма образованный человекъ и консерваторъ нѣсколько даже национального оттѣнка долго отнѣшивался и, отдавая (по словамъ Новиковы) мнѣ справедливость, прибавлялъ: «да ужь онъ слишкомъ православенъ». (Тоже самое «Вы слишкомъ православны» сказалъ мнѣ въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ въ 1887 году въ Петербургѣ и *Страховъ*). Наконецъ, уступилъ женской энергіи и написалъ эту ужь конечно весьма лестную замѣтку... Итакъ, что-нибудь одно: или онъ писалъ тутъ то, что думалъ, и тогда зачѣмъ было ждать дамскаго заступничества; или онъ въ угоду О. Ап. Новиковы напечаталъ *показанія, внутренно порицая*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ—гдѣ же и литературная и гражданская совѣсть? А человѣкъ съ душой! Опять *fatum!* Катковъ дипломатично отклоняется хвалебную статью о Леонтьевѣ, самъ высоко ставя его... „Да что же вся эта совокупность предательствъ значитъ? И опять скажешь себѣ: есть во всемъ этомъ какая-то по крайней мѣрѣ до меня лично касающаяся высшая телесология! Десница! Это утѣшаетъ и примиряетъ“.

Еще одна выдержка.

Въ 1887 году въ комитетъ министровъ прошло дѣло о назначеніи пенсіи „поэту-художнику и мыслителю Леонтьеву К. Н. и прошло согласно съ желаніемъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ“. Т. И. Филипповъ безъ своей подписи пишетъ хвалебный отзывъ въ „Гражданинѣ“ о трудахъ Леонтьева. Въ 1891 г. Леонтьева: „Этотъ *внѣшній* толчокъ заставилъ Филиппова высказать *наконецъ* (хотя бы и безъ подписи) печатно тѣ мнѣнія обо мнѣ, которыя онъ нѣсколько пѣтъ подъ рядъ высказывалъ и въ письмахъ ко мнѣ, и изустно, и столькимъ другимъ. Опять тотъ же и все тотъ же вопросъ. Почему нуженъ былъ даже и ему этой *внѣшній* толчокъ. Онъ человѣкъ очень смѣлый, независимый, очень умный и ученый. Познакомился со мной въ 1877 году—лично, но знакомый съ

сочиненіями моими еще гораздо прежде, онъ былъ съ тѣхъ поръ истиннымъ мнѣ другомъ... И въ то время, не будучи на министерской должности, былъ гораздо свободнѣе... *Почему же онъ давно не напечаталъ тою же гораздо подробнѣе и доказательнѣе?* Онъ, который такъ искренно желалъ мнѣ добра? И всячески *дѣлалъ* его. Если *служба* требовала этого, онъ точно также могъ это публиковать безъ подписи имени.. Почему? Одинъ отвѣтъ: *непостижимо, необъяснимо*. Одно рѣшеніе: *fatum! Мистика! Десница!*“ и т. д. и т. д., — десятки NB NB того же рода по поводу Страхова, частью Вл. Соловьевъ, Ю. Говорухи-Отрока (преданного ученика Леонтьева) и др....

Если привять во вниманіе, что *всѣ* лица, на молчаніе которыхъ идейно началуется Леонтьевъ, дѣйствительно были очень высокаго мнѣнія о его трудахъ: въ тетрадяхъ Леонтьева находится подлинное огромной важности письмо И. С. Аксакова объ очеркѣ „Пасха на Аѳонѣ“ съ общей чрезвычайно высокой оцѣнкой автора, адресованное къ другому лицу, Вл. Соловьеву принадлежитъ обширная статья въ словарѣ Брокгауза-Эфрана, служащая прекраснымъ введеніемъ къ изученію Леонтьева, и т. д., —то „*fatum*“ нашего писателя, увы! продолжающійся до сего дня, требуетъ своего объясненія. „Точно надъ нимъ стоитъ ангель смерти и мѣшаетъ ему ожить“ (Розановъ).

Но прежде: что такъ страстно влекло Леонтьева къ большой известности? Мучительный червь литературного тщеславія?

Предсмертные дни Леонтьева помогутъ намъ отвѣтить определенно, а не только гадательно, на этотъ вопросъ.

Въ послѣдній годъ заочно познакомился съ нимъ В. В. Розановъ. Прочитавъ два тома его „Востокъ, Россія и Славянство“, онъ пораженъ былъ глубиною мысли ихъ наряду съ обширностью самыхъ жизненныхъ темъ. Завязалась переписка, которая показала Леонтьеву, что онъ едва ли не впервые „понять“ именно такъ, какъ хотѣлъ бы быть поня-

тымъ". В. В. Розановъ рѣшилъ писать о Леонтьевѣ большую статью. Первая часть статьи была готова при жизни Леонтьева, но по семейнымъ обстоятельствамъ, а частю за недосугомъ времени, не могла еще быть напечатана.. Леонтьевъ зналъ точно, что онъ не долгій жилецъ на этомъ свѣтѣ. Почти умирающій переселяется онъ изъ Оптиної Пустыни въ Сергіевъ Посадъ. И посмотрите: его больше всего заботить, какъ бы не отложилъ навсегда своей статьи В. В. Розановъ, такъ хорошо и точно излагавшей основные взгляды его. „*По существу я не только не могу почти ничего на вашу статью*“ (первая часть, по настоятельному желанию Леонтьева, была переслана ему въ рукописи), „возразить, но не умѣю и даже... какъ-то... *боюсь* вамъ выразить... до чего я изумленъ и обрадованъ вашими обо мнѣ сужденіями!.. Съ самаго 1873 года, когда я въ первый разъ напечаталъ у Каткова политическую статью («Панславизмъ и греки»), и до *этой* весны 1891 года я ничего подобнаго не испытывалъ! Нѣчто успокоянельное и грустное въ то же время! Если бы статья ваша была окончена и напечатана, то я могъ бы сказать: Нынѣ огнушающіи раба Твоего, Владыко!. Теперь еще, пока статья ваша не окончена и не напечатана, я, конечно, не могу этого воскликнуть; но я все таки могу сказать: *Наконецъ-то послѣ 20-лѣтняго почти ожиданія я нашелъ человѣка, который понимаетъ мои сочиненія именно таѣ, какъ я хотѣлъ, чтобы ихъ понимали!*.. И какой испугъ испыталъ бѣдный Леонтьевъ, когда В. В. Розановъ написалъ ему въ одноть письмѣ, что „*печатаніе осквернитъ чистоту нашего внутренняго міра!*“ „Вотъ тебѣ разъ! подумалъ я—напишетъ Леонтьевъ — а ну, какъ онъ и статью обо мнѣ тоже сочтетъ оскверненiemъ! Вотъ утѣшить-то!.. Избави меня, Боже, отъ вашего литературнаго «цѣломудрія». Это тоже *fatal* будетъ ловкій!“

Увы! статья В. В. Розанова „*Эстетическое пониманіе истории*“, представляющая собою, дѣйствительно, и по сравненію

съ другими статьями, и безотносительно рѣдко глубокій анализъ взглядовъ Леонтьева на историческій процессъ (религії Леонтьева и въ то время В. В. какъ-то чуждались, а позже болѣе) появилась *послѣ смерти* его... Опять *fatum!*

Понятно литературное тщеславіе, которымъ такъ болѣютъ и великие таланты, и посредственности... Но какое же тщеславіе у человѣка, завѣдомо умирающаго, больного 60-ти лѣтняго старика, которому—медицинское образованіе слишкомъ ясно говорило объ этомъ—осталось жить годъ, много два?! какое тщеславіе у человѣка, порвавшаго всѣ связи съ міромъ и укрывшагося отъ него въ одиночную келію монаха Оптиной пустыни?!

Нѣгъ, дѣло здѣсь и глубже, и неизмѣримо святѣ.

Леонтьевъ быль—употреблю истасканное выраженіе—цѣльной личностью. Литература была для него служеніемъ, подвигомъ. И отъ каждого своего написаннаго слова онъ ждалъ *дѣла...* У самого у него въ жизни каждая мысль преходила въ дѣло. Убѣждается онъ въ исключительной истинѣ аскетического православія, православія аѳонскаго,—и бросаетъ дипломатическую карьеру, и идетъ въ монахи. Леонтьеву непонятно раздѣленіе теоріи и жизни. И. С. Аксаковъ въ письмѣ, напр., отдаетъ должное идеѣ монашества, но самъ... остается русскимъ бариномъ въ міру. Леонтьевъ не таковъ. Прямолинейный до постыдней степени, въ отношеніи къ себѣ до фанатизма („люблю фанатиковъ“ есть у него одно NB), онъ горѣлъ желаніемъ реальныхъ плодовъ отъ своихъ словъ если не въ міровой исторіи, то у себя на родинѣ, горѣлъ и вѣрилъ въ нихъ.

„Когда человѣкъ оказываетъ сопротивленіе всему своему времени, преграждаетъ ему путь и требуетъ, у него отвѣта, это должно оказать вліяніе. Безразлично, хотеть или не想要 онъ этого, важно то, что онъ это можетъ“, говори ю Ницше,—и эта вѣра была у Леонтьева.. Удивителенъ духъ прозелитизма въ Леонтьевѣ! „Повѣрте: только одни мона-

стыри и хороши!“ временно и безвременно, кстати и не кстати твердитъ онъ въ письмахъ къ нынѣ здравствующему своему другу К. А. Губастову, тогда уже стоявшему на пути къ министерскому посту. „Бросьте вы все и идите въ монастырь!“ такъ и слышится призывъ въ его восхваленіяхъ монастыря. И этотъ проселитизмъ—требование его необыкновенно цѣльной натуры. Убѣжденный до ослѣпляющей очевидности въ гибельности европейскаго прогресса для Россіи, онъ хотѣлъ бы всѣми мѣрами остановить его, хотя бы для этого нужно было употребить самыя радикальныя мѣры. Намъ часто претить отъ ужасающаго цинизма этого оптинскаго Торквемады, но нужно понять источникъ этой посійдовательности... Въ этомъ общемъ духовномъ складѣ Леонтьева коренится и жажды извѣстности, пожиравшія его и на смертномъ одрѣ... А въ характерѣ тѣхъ взглядовъ, которые провозглашалъ Леонтьевъ съ такою прямолинейностью, находить свое объясненіе тотъ рокъ неизвѣстности, который тяготѣлъ надъ нимъ.

Какъ бы ни относиться къ тѣмъ идеямъ, которыя вошли въ общее понятіе либерализма, но нельзя не согласиться въ извѣстной степени съ тою характеристикой общаго типа проповѣдниковъ его у насъ, какую дѣлаетъ тотъ же В. В. Розановъ, нынѣ, думаю, значительно бы смягчившій ее.

Я не употреблю его термина „тушоголовый“ въ примененіи къ ходячему русскому либералу, но, дѣйствительно, поразительна эта черта узости при видимой свободѣ, неумѣнія смотрѣть „далѣѣ своей колокольни“ при показной широтѣ, странной нетерпимости при горячихъ нападкахъ на нее. Леонтьевъ—писатель хотя и съ большими талантами, но онъ идетъ противъ прогресса, стоять за монашеское православіе, за самое строгое самодержавіе, не позволяя даже надѣ городовымъ смеяться. Леонтьевъ выступаетъ защитникомъ такихъ личностей, какъ Митрофанія, которая „исстаки была монахиня, а не либералка“,—противникомъ освобожденія Болгаріи отъ турецкихъ звѣрствъ.

„Либераламъ докладчикамъ и въ голову не приходило, что публицистъ въ куколѣ есть сама свободомыслящее явленіе, можетъ быть, за все существованіе русской литературы; что безбрежность его скептицизма и сердечной и идеиной свободы оставляетъ позади себя свободу Вл. Соловьева, Герцена, Радищева, Новикова“ (Розановъ). Либералы не могли понять, что ужасный консерватизмъ Леонтьева, привѣтствованный имъ къ религії, является „уздой могучаго го-сподина, которую возлюбить могутай конь“...

И на Леонтьева „сильными въ русскомъ мірѣ“ наложень запретъ. Больно читать, напр., статьи „Вѣстника Европы“—солиднаго журнала о „мракобѣсѣ“ Леонтьевѣ (разумѣю, нужно оговориться, не статью кн. С. Н. Трубецкого): такъ онѣ легки. А что сказать о подголоскахъ его?!¹⁾

Отношеніе къ Леонтьеву идеи по враждебныхъ ему либераловъ еще можно такъ или иначе понять. Но замахчиваніе его людьми консервативнаго лагера?

„На запятахъ за тоюю долго не проѣдешь со славою; надо скорѣе стать самому возницей по духу“—этотъ

1) Не могу здѣсь не упомянуть про одинъ весьма характерный и не менѣе печальный аналогичный фактъ. Нынѣ въ прогрессивныхъ широкихъ кругахъ имя В. В. Розанова что называется шумитъ, хотя его и мало понимаютъ. Розановъ сдѣлался „известнымъ писателемъ“ съ той поры, когда сталъ въ открыто враждебныя отношенія къ Церкви и самому христіанству, т. е. въ самые послѣдніе годы. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ Розановъ для нашей публики либеральныхъ органовъ былъ тѣмъ же Леонтьевымъ. Между тѣмъ топорешнія возврѣнія Розанова не только въ основной мысли, но и въ частностихъ были высказаны имъ—въ 91 году! Правда, высказаны они по какой то недоглядкѣ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ и *мелкими* шрифтомъ въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Леонтьева, но уже тамъ находить мы все,—иногда даже вплоть до островерныхъ образовъ... *Итакъ:* чтобы сдѣлаться читаемымъ, нужно было В—ю В—чу вывести флагъ... вражды къ религії. Больно, но это такъ!.. Не о Розановѣ поэзднія слова, а о настроеніи общества нашего...

совѣтъ, даваемый Леонтьевымъ, всѣмъ писателямъ, самъ онъ выполнялъ въ полной мѣрѣ: онъ никогда не ѻхалъ на запятахъ за толстой—положеніе всегда и неизмѣнно неблагодарное. Консерватизмъ эмпирическій въ интересахъ своего вліянія непремѣнно долженъ быть въ той или иной степени демагогичнымъ, то есть заключать въ себѣ большую долю при способляемости и компромиссовъ. Леонтьевъ по само своей натурѣ быть такимъ консерваторомъ не могъ. „Дорогое кружево прекрасная вещь, но нельзя подавать людямъ это кружево, когда имъ нуженъ простой туалетъ, чтобы не замерзнуть“,—слова Леонтьева И когда Катковы, политики текущаго момента, кроили, какъ имъ казалось, единственно нужные современному имъ обществу туцуны, съ большою досадою гнали они отъ себя Леонтьева, мѣшавшаго имъ съ своими кружевами.

Леонтьевъ не только мѣшалъ консерваторамъ эмпирікамъ. Онъ для нихъ опасенъ.

„У пѣкоторыхъ птицъ, по словамъ зоологовъ,—говорилъ Леонтьевъ,—глаза такъ устроены, что онѣ по волѣ могутъ становиться и близорукими, когда имъ нужно разсматривать что-нибудь подробно на землѣ, и дальновзоркими, когда онѣ поднимаются очень высоко“. Птицамъ дальноворкость не вредить... Но когда Леонтьевъ при своей необыкновенной послѣдовательности доводилъ до законныхъ выводовъ по линику консерваторовъ,—они сами „отскакивали“ отъ него въ ужасѣ, а иногда и ногодованії. „Леонтьевъ слишкомъ православенъ“ эту невольную фразу Гилярова-Платонова и Страхова можно повторить и въ отношеніи другихъ сторонъ въ міросозерцаніи Леонтьева...

Та же цѣльность натуры оттолкнула отъ Леонтьева и консервативные круги.

Леонтьевъ, какъ религіозный типъ, точно какъ выражитель опредѣленнаго пониманія христіанства—такова тема

предлагаемой работы. Что же въ его духовномъ облике даетъ право останавливаться на немъ?

„Мы, люди нашего склада должны задуматься надъ Леонтьевымъ, надъ печальной судьбой его“, пишетъ Н. А. Бердяевъ... И не только люди такого апокалиптическаго склада, какъ этотъ одинъ изъ наиболѣе глубокихъ представителей т. н. „новаго религіознаго сознанія“, должны задуматься надъ Леонтьевымъ. Леонтьевъ огромный и тяжелый вопросъ для всякаго христіанина и особенно для сына Православной Церкви.

Трудно оправдать эти слова до изложения міровоззрѣння Леонтьева. Но вотъ иѣсколько шриховъ изъ него: надѣемся, они съ убѣдительностью покажутъ, чѣмъ важенъ и чѣмъ страшень и соблазнителенъ этотъ религіозный мыслитель

„Идея всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы— самая холодная, прозаическая и вдобавокъ самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій“. „Прогресивныи идеи грубы, просты и всякому доступны. Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ. Люди высокого ума облагораживали ихъ своими блестящими дарованіями; сами же идеи по сущности своей не только ошибочны, онѣ, говорю я, грубы и противны. Благоденствіе земное вздоръ и невозможность; царство равномѣрной и всеобщей человѣческой правды на землѣ—вздоръ и даже обидная неправда, обида пучшимъ“... „Стыдно было бы за человѣчество, если бы этотъ подлый идеалъ всеобщей пользы, мелочнаго труда и позорной ироzy восторжествовалъ бы навѣки“... Какъ видить читатель—мы уже въ сферѣ идей Ницше съ его „паѳосомъ разстоянія“... „Для того, кто не считаетъ блаженство и абсолютную правду назначеніемъ человѣчества на землѣ, нѣть ничего ужаснаго въ мысли, что милліонъ русскихъ людей должны были прожить цѣлые вѣка подъ давленіемъ трехъ

атмосферъ—чиновничьей, помѣщичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкинъ могъ написать Онѣгина и Годунова, чтобы построили Кремль и его соборы, чтобы Суворовъ и Кутузовъ могли одержать свои национальныя побѣды. Ибо слава... ибо военная слава... да, военная слава царства и народа, его искусство и поэзія—факты... Это реальные явленія действительной природы; это цѣли достижимыя и вмѣстѣ высокія. А то безбожно-праведное и плоско-блаженное человѣчество, къ которому вы исподоволь и съ разными современными ужимками хотите стремиться, такое человѣчество было-бы гадко, если бы оно было возможно". Ницше неминуемо долженъ быть быть аморалистомъ. Уничтожаетъ мораль и Леонтьевъ, стоявшій на общей съ Ницше почвѣ. „Европейская мысль поклоняется человѣку потому только, что онъ человѣкъ. Поклоняться она хочетъ не за то, что онъ герой или пророкъ, царь или гений. Нѣть, она покланяется не такому особому и высокому развитію личности, а просто индивидуальности всякаго человѣка и всякую личность желаетъ сдѣлать счастливой, равноправной, покойной, падменно честной и свободной къ предѣлахъ извѣстной морали. Это-то исполненіе всечеловѣческой равноправности и всечеловѣческой правды, исходящей не отъ положительного вѣроисповѣданія, а отъ того, что философы зовутъ именемъ автономной нравственностью, это-то и есть ядъ, самый тонкій и самый могучій изъ всѣхъ столь разнородныхъ заразъ, разлагающій постепеннымъ дѣйствиемъ своимъ всѣ европейскія общества".... „Не долженъ зоологъ увѣрять, что нѣть уже на свѣтѣ ни золотыхъ фазановъ, ни орловъ, ни пантеръ и красивыхъ полосатыхъ зебровъ, оттого, что онъ спросить ихъ не умѣеть, или считать ихъ неизящными и не самомъ дѣлѣ ненужными потому только, что временные заблужденія утилитаризма признали полезными для человѣчества только мирныхъ и грубоватыхъ скотовъ: лошадей, коровъ, основъ, овецъ и свиней"....

Какое же отношение этого plus Nitzsche, que Nitzsche même къ христіанству и православію—спросять, можетъ быть, читая приведенные нами выдержки?

Христіанство и особенно *вополненное и потому усовершенствованное* въ православії не есть религія любви и радостной вѣсти, а религія страха и насилия—убѣжденно и настойчиво говоритьъ Леонтьевъ. Нѣтъ, повидимому, болѣе противоположныхъ фактovъ—какъ прогрессъ и христіанство. По учению православія „страданія утраты, разочарованія, несправедливости должны быть; они даже полезны намъ для покаянія нашего и для спасенія нашей души за гробомъ“... „Передъ христіанскимъ учениемъ добровольное униженіе о Господѣ лучше и вѣрнѣе для спасенія души, чѣмъ эта гордая и невозможная претензія ежечаснаго незлобія и ежеминутной блаженности. Многіе праведники предпочитали удаленіе въ пустыню дѣятельной любви; тамъ они молились Богу сперва за свою душу, а потомъ за другихъ людей; многіе изъ нихъ это дѣлали потому, что очень правильно не надѣялись на себя и находили, что покаяніе и молитва, т. е. страхъ и своею рода униженіе вѣрнѣе, чѣмъ претензія мирскаго незлобія и чѣмъ самоувѣренность дѣятельной любви въ многолюдномъ обществѣ. Даже въ монашескихъ общежитіяхъ опытные старцы не очень-то позволяютъ увлекаться дѣятельной и горячей любовью, а прежде всего учать послушанію, приниженію, пассивному прощенню обидъ“...

И когда передъ такими взглядами останавливались въ недоумѣніи, Леонтьевъ съ особенной силой подчеркивалъ, что всему этому онъ „научился отъ православной церкви“, отъ монастырей, въ которыхъ однихъ истина (курс. нашъ).

Исторія человѣческой мысли знаетъ знаменательный фактъ. Марксъ ненавидѣлъ христіанство, какъ религію сильныхъ и богатыхъ, мѣшающую всеобщему уравненію людей. Ницше ненавидитъ христіанство по діаметрально-противо-

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1909 г.

положнымъ мотивамъ: христіанство, по нему, своимъ ученіемъ о достоинствѣ личности уничтожаетъ столь законный „наօсть разстоянія“ между людьми. Леонтьевъ идетъ своей дорогой между этими геніями чловѣчества. Зло все въ уравненіи людей, благо въ ихъ неравенствѣ. Христіанство тѣмъ именно и хорошо, что оно хоронить все, чѣмъ живетъ современная мысль: Марксъ и Ницше причудливымъ образомъ въ единились въ оптинскомъ монахѣ.

Говорить ли о томъ, насколько—не скажу: плодотворно, а—необходимо изучать Леонтьева тому, кто считаетъ христіанство истинное, т. е. православную вѣру, высшимъ своимъ благомъ²¹.

Нѣсколько словъ о планѣ и методѣ предлагаемой работы.

Первые двѣ главы являются изложеніемъ раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христіанства. Третья глава заключаетъ въ себѣ богословскую оцѣнку его. При выполненіи первой задачи вполнѣ сознательно личность Леонтьева рассматривается въ *полномъ объемѣ ея*: первая глава содѣржитъ въ себѣ *цѣлую душевную біографію* его въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развигія ея; вторая глава—изложеніе его религіозной системы. Мы не ожидаемъ укора въ произвольномъ, а тѣмъ самымъ и логически непозволительномъ, расширеніи объема темы: уясненіе мѣста религії въ общей системѣ міровоззрѣнія необходимо для пониманія, вдвойнѣ необходимо для оцѣнки ея.

Повидимому, можно было бы избрать путь значитель но болѣе короткій, изложить, то есть, одну религіозную систему и затѣмъ произвести оцѣнку ея. Считаемъ при вышепоказанномъ пониманіи религії такой путь малоплодотворнымъ и въ отношеніи лица, міровоззрѣнію которого излагаемъ, и въ отношеніи положительныхъ выводовъ для нашей проблемы. Система религіознаго міровоззрѣнія, взятая виѣ душевныхъ переживаній ея творца, во всякомъ случаѣ

не вполнѣ характерна для него. Вѣрно это въ качествѣ обшаго положенія, а въ примѣненіи къ Леонтьеву особенно... Для общихъ выводовъ по вопросу объ отношеніи христіанства къ благоустроенію земной жизни важны, конечно, формулы религіозной системы, но въ высокой степени важно также видѣть, какъ *переживаются* онѣ и какъ въ этомъ переживаніи согласуются съ другими сторонами общемірскаго душевного настроенія.

Нѣкто сказалъ нѣгдѣ: мысль, облеченнай въ слово, неизбѣжно ложь. Если это положеніе несправедливо въ своей абсолютной формулировкѣ, то оно безспорно въ лежащемъ въ немъ требованіи—стараться проникнуть въ самую душу и добытыми данными дополнять и корригировать слово...

Леонтьевъ—мыслитель и писатель большой трудности. Нужно нѣсколько разъ перечитать его въ полномъ объемѣ его произведеній, чтобы уловить основной пунктъ его міровоззрѣнія. Самъ онъ себя называлъ человѣкомъ „нестерпимо сложныхъ потребностей“. И дѣйствительно, къ нему нельзя подходить просто. Либеральные круги потому и впадли въ оцѣнкѣ его въ несправедливую ошибку, что не хотѣли присмотрѣться къ необыкновенной сложности его душевныхъ переживаній. Легко и соблазнительно для сужденія о Леонтьевѣ перечислить явно ложные пункты его системы и еще больше указать массу противорѣчивыхъ положеній... Но затѣмъ тратить время на это?“ скажетъ Леонтьевъ устами одного изъ современныхъ русскихъ ницшеанцевъ (Шестовъ). Попробуйте такимъ методомъ оцѣнить двойника Леонтьева Ницше, и вамъ ясно будетъ все несоответствие затраченного труда и его результатовъ. Нѣтъ. Не въ томъ задача „критического наученія“, чтобы обратить вниманіе на легко устранимыя противорѣчія, а въ томъ, чтобы продлить самому линіи автора, если онѣ остались неоконченными у него, и останавливаться на противорѣчіяхъ, лишь имѣющихъ *фатальныи* характеръ: только такимъ

путемъ анализъ системы можетъ привести къ синтезу цѣль-
наго возврѣнія въ плоскости поставленной проблемы.

Считаемъ нужнымъ подѣлиться здѣсь въ помощь бу-
дущимъ биографамъ К. Н. Леонтьева точнымъ хронологиче-
скимъ спискомъ произведеній его, большая половина кото-
рыхъ разсѣяна по періодическимъ изданіямъ, и главнѣйшей
литературы о немъ. Намъ этотъ списокъ облегчить цита-
цію текста. На страницахъ „Русскаго Обозрѣнія“ (1894, VIII)
напечатана автобіографическая замѣтка самого Леонтьева:
„Гдѣ розыскать мои сочиненія послѣ моей смерти?“ Въ
томъ же году и тамъ же былъ помѣщенъ частью дополнен-
ный, частью исправленный новый списокъ его сочиненій
известнаго бібліографа г. Языкова. Желающему сличеніе
покажетъ, что нашъ списокъ отличается большей полнотой.

Для облегченія возможности слѣдить за постепеннымъ
развитіемъ Леонтьева мы будемъ перечислять его статьи по
годамъ. А въ концѣ укажемъ отдѣльныя изданія его про-
изведеній.

I. Сочиненія К. Н. Леонтьева.

1853 годъ.

- 1) Благодарность. Повѣсть. (Московск. Вѣдомости).

1855 годъ.

- 2) Лѣто на хуторѣ. Повѣсть. (Отеч. Зап., кн. 5).

1857 годъ.

- 3) Ночь па пчельникѣ. Очеркъ. (Москов. Вѣд.).

1858 годъ.

- 4) Сутки въ аулѣ Блок-Дортѣ. (Отеч. Зап., кн. 8).

1860 годъ.

- 5) Письмо провинціала къ Тургеневу, по поводу но-
вѣсти Тургенева „Наканунѣ“. (Отеч. Зап., кн. 5).

- 6) Второй бракъ. Повѣсть. (Бібл. для чт., кн. 4).

1861 годъ.

7) О сочиненіяхъ Марко-Бовчка. (Отеч. Зап., кн. 3).

8) Подліпки. Романъ. (Отеч. Зап., кн. 9—11).

1864 годъ.

9) Въ своемъ краю. Романъ. (Отеч. Зап., кн. 5—7).

1867 годъ.

10) Ай-Бурунъ. Повѣсть. (Отеч. Зап., кн. 7).

1868 годъ.

11) Хризо. Разсказъ. (Русск. Вѣстн., кн. 7).

1869 годъ.

12) Пембе. Разсказъ. (Русск. Вѣстн., кн. 9).

13) Хамидъ и Маноли. Разсказъ. (Заря, кн. 11).

1870 годъ.

14) Поликарп-Костаки. Разсказъ. (Русск. Вѣстн., кн. 9).

15) Грамотность и народность. Бѣглия замѣтки. (Заря, кн. 11—12).

1871 годъ.

16) Аспазія Ламприди. Повѣсть. (Русск. Вѣстн., кн. 6—9).

1873 годъ.

17) Панславизмъ и греки. (Русск. Вѣстн., кн. 2).

18) Панславизмъ на Аeonѣ. (Русск. Вѣстн.).

1875 годъ.

19) Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека. (Рус. Вѣстн., кн. 6—8; 1876 г. кн. 1—3).

20) Византизмъ и Славянство. (Чт. въ Общ. истор. и дрѣвн. Рос., кн. 3).

1876 годъ.

21) Дитя души. Повѣсть. (Русск. Вѣстн., кн. 6—7).

1877 годъ.

22) Сфакіотъ. Разсказъ. (Рус. Вѣстн., кн. 1—3).

23) Камень Сизифа. Повѣсть. (Рус. Вѣстн., кн. 3, 10—12; 1878 г. кн. 7—10).

24) О памятникѣ въ Филяхъ. (Моск. Вѣд.).

1878 годъ.

- 25) Русские, греки и юго-славяне. (Рус. Вѣст., кн. 2).
 26) Храмъ и Церковь. (Гражд. 1878 г.).

1879 годъ.

- 27) Письма отшельника. (Востокъ, 1879 г.).
 28) Мои воспоминанія о Фракіи. (Рус. Вѣсти., кн. 3, 5, 8).
 29) Новый драматический писатель. (О Н. Я. Соловьевѣ).
 (Рус. Вѣстн.).
 30) Отецъ Климентъ Зедергольмъ. (Рус. Вѣстн., кн. 11—12).

1880 годъ.

- 31) Изъ студенческихъ воспоминаній. (Рус. Арх. кн. 1).
 32) О всемирной любви. (Рѣчь Ф. М. Достоевскаго на Пушкинскомъ празднике). (Варшавскій Дневникъ).
 33) Рядъ большихъ статей (передовыхъ, литературно-критическихъ) и замѣтокъ. (Варшавскій Дневникъ).

1881 годъ.

- 34) Разсказъ Смоленскаго діакона о 1812 г. (Русск. Архивъ, кн. 6).
 35) Египетскій голубь. Разсказъ. (Рус. Вѣстн., кн. 8—10; 1882 г. кн. 1).

1882 годъ

- 36) Православіе и католицизмъ въ Польшѣ. (Гражд. 1882 г.).
 37) Письма о восточныхъ дѣлахъ. (Гражд. 1882—83 г.).
 38) Я купецъ. Изъ воспоминаній загорскаго грека. (Рус. Вѣст., кн. 8).
 39) „Раззоренное гнѣздо“. Разсказъ для дѣтей А. Слизницкаго. Критико-библіогр. замѣтка (Москов. Вѣдом.).
 40) „Переломъ“ Б. М. Маркевича. Критико-библіогр. замѣтка. (Москов. Вѣдом.).
 41) „С временные церковные вопросы“. Т. И. Филиппова. Критико-библіогр зам. (Совр. Изв.).

1883 годъ.

- 42) Записки Ф. И. Леонтьевой (Рус. Вѣстн., кн. 10 и 12; 1884 г.).

43) Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству. По поводу рассказа гр. Л. Н. Толетого „Чѣмъ люди живы“. (Гражданинъ).

44) Письмо къ П. Е. Астафьеву. По поводу его книги „Психіческий міръ женщины“. (Гражданинъ).

45) Т. И. Филипповъ и От. Склобовскій (Письмо въ ред. Гражданина).

46) Пасха на Аѳонской горѣ. (Русь).

47) Два представителя индустріи. (Гражданинъ).

1884 годъ.

48) Консульськіе разсказы. (СИБ. Вѣдомости № 325).

49) Разбойникъ Сотири. Разсказъ. (Нива, №№ 19—21).

1885 годъ.

50) Ядесь. Разсказъ. (Нива, 26).

51) Священникъ-убийца. Разсказъ. (Голосъ Москвы, 122).

52) Ноединокъ. Изъ воспоминаній русскаго. (Нива, 41).

53) Арестованный. Разсказъ (Нива, 49).

1887 годъ.

54) Записки отшельника. Невольное пробужденіе старыхъ мыслей и чувствъ. Сочувствіе и содѣйствіе. Мой исторический фатализмъ. Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова. Моя мать объ Императрицѣ Марії Феодоровнѣ. (Гражданинъ. №№ 33, 41, 44, 45, 47, 53, 54, 60, 61, 64, 67; прилож. 6—7).

1888 годъ.

55) Тургеневъ въ Москвѣ (1851—1861 г.). Изъ моихъ воспоминаній. (Русск. Вѣсти. кн. 2—3).

56) Записки отшельника. Два графа. „Анна Каренина“ и „Война и Миръ“. Владимира Соловьевъ противъ Данилевскаго. Національная политика какъ орудіе всемірвой революціи. Плоды національныхъ движеньй на православномъ Востокѣ. (Гражданинъ. №№ 15, 19, 24, 28, 33, 37, 40, 99, 102, 105, 107, 112, 115, 120, 128, 137, 140, 147, 152, 256, 258,

261, 262, 265, 269, 272, 275, 279, 306, 311, 315, 327, 331, 334,
338, 342, 349, 353, 354, 363 .

57) Осада Керчи. (Совр. Изв.).

58) Две избранницы. Романъ. (Россія).

1889 годъ.

59) Плоды национальныхъ движений на православномъ Востокѣ (Гражд., 7, 13, 41, 45).

60) Кстати и не кстати. (Письмо А. А. Фету по поводу его юбилея). (Гражд., 80, 81, 83).

61) Воспоминанія объ Архимандритѣ Макаріи, игуменѣ русскаго монастыря св. Пантелеимона на горѣ Афонской. (Гражд. 191, 192, 196, 207, 211, 243, 246).

1890 годъ.

62) Добрыя вѣсти. (Гражд. 81, 83, 87, 95).

63) Ошибка Г. Астафьева. (Гражд. 144, 147).

64) Анализъ, стиль и вѣяніе. Крит. этюдъ о романахъ пр. Л. Н. Толстого. (Рус. Вѣсти., кн. 6—8).

65) По поводу моихъ статей „Анализъ, стиль и вѣяніе“. (Гражд. 157, 158).

66) Какой Успенскій—Глѣбъ или Николай. (Гражд. 190).

1891 годъ.

67) Разсказъ моей матери объ Импер. Маріи Феодоровны. (Рус. Вѣсти., кн. 4—5).

68) Надъ могилой Пазухина. (Гражд. 64, 65, 66, 67).

69) Славянофильство теоріи и славянофильство жизни. (Гражд. 99, 100).

70) Достоевскій о русскомъ дворянствѣ. (Гражд. 204, 205, 206).

71) Оптинскій старецъ Амвросій. (Гражд. 305, 313).

72) Изъ воспоминаній консула. Разсказъ. (Рус. Вѣсти., кн. 11).

73) Письма Леонтьева.

а) Къ С. Васильеву. (Рус. Обозр. 1893 г., кн. 1).

б) Къ А. А. Фету. (Рус. Об. 1895 г., кн. 4).

- в) Къ К. А. Губастову. (Рус. Об. 1894 г., кн. 9, 11).
- г) О старчествѣ. (Рус. Об. 1894 г., кн. 10).
- д) Къ А. А. Александрову. (Новое Время 1900 г. отъ 7 Ав., въ ст. Ал—ва: „Памяти В. С. Соловьевса“).
- е) Къ о. И. И. Фуделю. (Рус. Об. 1895 г., въ ст. о. Фуделя).
- ж) Къ В. В. Розанову. (Рус. Вѣстн. 1903 г., кн. 4, 5, 6).

Отдѣльные изданія сочиненій Леонтьева.

- 1) Востокъ, Россія и Славянство. Сборн. ст., т. 1-й, Москва 1885 г. (Сюда вошли по нашему списку №№ 17, 18, 20, 25, 26, 27, 28, 37).
- 2) Востокъ, Россія и Славянство. Сборн. ст., т. 2-й, Москва 1886 г. (Сюда вошли №№ 15, 33, 36, 44, 39, 40, 41, 45, 43, 32, 34, 46, 49, 47).
- 3) Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиної пустыни. 2 изд. Москва 1882 г.
- 4) Національная политика, какъ орудіе всемірной революціі.
- 5) Наши новые христіане Θ. М. Достоевскій и гр. Левъ Толстой. Продается въ пользу слѣпыхъ гор. Москвы. М. 1882. (Сюда вошли №№ 32 и 43 съ спеціально написаннымъ для этого изданія предисловіемъ; эти же статьи перепечатаны, какъ видно изъ предыдущаго, и во 2-мъ томѣ „Востока“).

Примѣчаніе. Не поименовываемъ тѣхъ отдѣльныхъ изданий („Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ“, „Повѣсти изъ жизни христіанъ на востокѣ“ 3 тома), которыхъ, въ данное время найти въ продажѣ нельзя.

II. Главнѣшша литература о Леонтьевѣ.

- 1) Русскіе идеалы и К. Н. Леонтьевъ. Л. Тихомірова. (Русское Обозрѣніе 1894 г., кн. X).
- 2) Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева. Свящ. Г. Фуделл. (Русское Обозрѣніе 1895 г.).

3) К. Н. Леонтьевъ. А. Александрова. (Русск. Вѣстн. 1892 г. кн. IV).

4) Эстетическое пониманіе исторіи. В. В. Розановъ (Русск. Вѣстн. 1892 г. к. 1, 2, 3. Начиная со 2 кн. статья въ сіть другое загл.: „Теорія историч. прогресса и упадка“).

5) Разочарованный славянофиль. Кн. С. Н. Трубецког (Русск. Мысль 1892 г. кн. X).

6) Противорѣчія націй культуры. Кн. С. Н. Трубецкого (Вѣстн. Евр. 1894, кн. VIII).

Обѣ статьи также въ полномъ собр. сочин. кн. Трубецк., т. I.

7) Леонтьевъ. Влад. Соловьевъ. Энциклоп. словѣ Брокгауза и Ефрана, а также Собр. соч. Соловьевъ, т. IX.

8) К. Леонтьевъ — философъ реакціонной романтизмъ Н. А. Бердяева. „Вопросы жизни“ 1904 г. юль; а также въ сборн. статей Бердяева „Sub specie aeternitatis“. СПб. 1907

9) Саморазложение славянофильства. И. Н. Миллюкова „Вопросы философіи и психології“ 1893 г., Май, а также въ сборникѣ его статей и этюдовъ подъ заглавиемъ „Изъ истории русск. интеллигентії“. (Спб. 1902).

10) К. Леонтьевъ и гр. Л. Толстой. Н. Апокрифа. „Русь“ вып. I. М. 1903.

Изъ болѣе раннихъ статей о Леонтьевѣ въ журналахъ и газетахъ—числомъ около 70—все существенное по содержанию можно найти въ перечисленныхъ статьяхъ, почему мы и не указываемъ ихъ особо.

Въ рукахъ автора было еще очень важный источникъ—две объемистыхъ тетраліи съ вырезанными изъ газетъ замѣтками о Леонтьевѣ. По поводу каждой замѣтки Леонтьевыми дѣлались свои NB NB. Такъ какъ этотъ источникъ не является общимъ достояніемъ, то мы будемъ пользоваться имъ только какъ подтверждениемъ выводовъ, добытыхъ изъ общедо-

стуныхъ источниковъ. Цитироваться тетради будуть по №№ замѣтокъ въ такой формѣ: «тетрадь I или II, такой-то №». По опубликованіи данного источника для всякаго желающаго будетъ легкая возможность провѣрить ссылки, дѣлаемыя въ этой работе.

Прим. 1. Леонтьевъ очень любить, особенно въ письмахъ, отѣнять слова, иногда даже слоги. Курсивъ его вездѣ сохраненъ (подчеркнутое разъ—обычнымъ курс., подчерки, два раза—жирнымъ шрифт.). Наши курсивы вездѣ оговорены.

2. Цитація въ виду точнаго перечня сочиненій Леонтьева и главнѣйшей литер. о немъ принятая сокращенная: не называя журнала, въ какомъ помѣщено то или другое произведеніе Леонтьева, обозначаемъ лишь римск. цифр. № журнала (буде статья печаталась въ нѣсколькихъ №№), а арабскими—страницы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

К. Н Леонтьевъ какъ религіозная личность.

I.

(1831—1854)

Константи́н Николаевич Леонтьевъ родился въ 1831 году и дѣтство свое провелъ въ имѣніи своихъ небогатыхъ родителей Кудиновѣ, въ Калужской губерніи. Отецъ его, „за участіе въ какомъ-то буйствѣ удаленный изъ гвардіи въ отставку въ чинѣ прaporщика“¹⁾, видимо, не оставилъ никакихъ положительныхъ слѣдовъ въ духовномъ обликѣ своего сына: насколько Леонтьевъ преклоняется предъ образомъ своей матери, настолько же память отца, „который былъ во всѣхъ отношеніяхъ не пара ей; ни по уму, ни по нравственнымъ свойствамъ, ни по воспитанію, ни даже по наружности“²⁾, была для него безразлічна. Мать Леонтьева Фанни Петровна, урожд. Карабанова, была одна изъ тѣхъ матерей, ими которыхъ неразрывно связывается съ духовнымъ развитиемъ ихъ дѣтей. Черезъ свою мать Леонтьевъ въ некоторыхъ чертахъ и своего характера и міровоззрѣнія былъ подлиннымъ внукомъ Петра Матвѣевича Карабанова— достойного прототипа старика князя Волконского въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Л. Н. Толстого. „Истинный баринъ съ виду, красивый и надменный до-нельзя, во многихъ случаяхъ вели-

¹⁾ „Разсказъ моей матери объ Императрицѣ Маріи Феодоринѣ“, IV, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

кодушный рыцарь, непавицникъ лжи, лихоимства и двуличности, слуга Государю и *Отечеству преданный*, энергичскій и вѣрный, любитель стихотворства и всего прекраснаго, Петръ Матвѣевичъ былъ въ то же время властолюбивъ до безумія, развратенъ до преступности, подозрительнъ до-нельзя и жестокъ до безсмыслія и злѣства¹⁾... И только его дочь Фанни, по окончаніи института возвратившаяся подъ кровлю тогда для нея холоднаго дома, могла усмириять этого честнаго старика-самодура: „нашла коса на камень“, припоминаетъ невольно Леонтьевъ, говоря объ отношеніи дѣда и матери того времени.

Выданная замужъ за отца Леонтьева, человѣка недалекаго во всѣхъ отношеніяхъ, Фанни Петровна, естественно, сдѣлалась главою дома и ревнивой воспитательницей своихъ дѣтей. Все мое дѣтство, говоритъ Леонтьевъ²⁾, неразрывно связало „съ драгоцѣннымъ образомъ красивой, всегда щеголеватой и благородной матери, которой я такъ неоплатно былъ обязанъ всемъ (уроками патріотизма и монархического чувства, примѣрами строгаго порядка, постояннаго труда и утонченаго вкуса въ ежедневной жизни)“. Нечать красоты положена была на всемъ распорядкѣ обиходной жизни заботливой рукой хозяйки дома, которая съумѣла небогатый уголъ сдѣлать „очаровательнымъ «Эрмитажемъ»³⁾.

Эстетизмъ былъ въ собственномъ смыслѣ слова религіей Леонтьевой.

Леонтьевъ много лѣтъ спустя комментируетъ „Рассказъ“ своей матери, когда онъ уже пережилъ религіозный переломъ. Знаменательно: и въ его столь поздней харак-

¹⁾ Тамъ же, стр. 90.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

³⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81.

теристикъ религія въ обликѣ матери занимаетъ второе мѣсто, если еще не меньше. Леонтьева была религіозна по типу институтскаго религіознаго воспитанія съ его преобладающимъ бытовымъ характеромъ, ставящимъ религію *на ряду* съ другими жизненными потребностями и проявленіями, но не *надъ ними...* Точное соблюденіе отъ предковъ переданныхъ религіозныхъ обычаевъ, всеощущая на дому въ присутствіи всей крѣпостной прислуги—такова была первая школа религіознаго воспитанія Леонтьева. „Мое воспитаніе—увы!—строго христіанскимъ не было“—вспоминаетъ не разъ свои дѣтскіе годы Леонтьевъ: эстетическое обрядовѣріе его изящной матери, очевидно, не затрагивало его внутренняго религіознаго чувства. Болѣе того. Въ устахъ автора записокъ Владимира Ладиева Леонтьевъ влагаетъ едва ли не автобіографическія слова о своеобразномъ дѣйствіи набожности, внушенной теткой: „бывало, помолишься усердно, постоишь у ранней обѣди, попостишься, положишь по утру двадцать пять земныхъ поклоновъ, сочтешь себя квитымъ съ совѣстью и ободришься послѣ этого до того, что нагрубишь кому-нибудь, или разругаешь слугу, или даже побьешь какого-либо мальчишку“¹⁾). Не съ этого ли времени ведутъ свое начало столь частныя, хотя и мимолетныя, противопоставленія Леонтьевымъ въ первыхъ литературныхъ его произведеніяхъ набожности съ одной стороны, ума и нравственности съ другой?²⁾.

Не даромъ Леонтьевъ *забылъ*³⁾ въ перечиѣ благодѣяній матери указать свое религіозное развитіе.

1) „Подлишки“, кн. IX, стр. 17.

2) „Второй бракъ“, кн. IV, стр. 2; стр. 63: „набожная, но все еще юная Катя“. Си. стр. 43: „христіанинъ, не понимающий христіанского духа, глупъ“.

3) Въ числѣ „добрыхъ началъ“, которыми обязантъ Л. своей матери, нѣть религіи. („Разсказъ“..., стр. 86).

Не затронувъ внутренняго религіознаго чувства Леонтьева, церковно-обрядовая атмосфера его дома посъяла въ немъ ту эстетическую любовь къ православнымъ формамъ религіозной жизни, которая впослѣдствіи, въ періодъ религіознаго перелома, такъ помогла ему. Сколькою особой какой-то поэзіи въ воспоминаніи атеиста Леонтьева 60 годовъ о всенощной на дому на Страстной недѣлѣ. „Собиралась семья въ длинную бѣлую залу, освѣщенную только на одномъ концѣ церковными свѣчами, и что за томительный восторгъ охватывалъ мою душу, когда высокій отецъ Василій, наполнивъ залу кадильнымъ дымомъ, сквозь который изъ угла блистали наши образы, начиналъ звучнымъ, густымъ, возрастающимъ басомъ: «Се женихъ грядеть въ полунощи». Тогда я, бывало, кланялся въ землю, и мнѣ, повѣрите ли, казалось, что въ самомъ дѣлѣ идетъ откуда-то женихъ среди ночи.. Раскрытая дверь темнаго корридора, глубокое молчаніе всѣхъ другихъ комнатъ... самый ландшафтъ въ окнѣ, освѣщенный мѣсяцемъ, рѣдкій, зимній садъ, полосы тѣни отъ деревьевъ по снѣгу, пустынная, обнаженная аллея, пропадающая за недоступными сугробами и таинственная мысль о безлюдности огромныхъ полей“¹⁾. Это—слова героя романа Леонтьева „Подлипки“. Ихъ автобіографический характеръ—внѣ сомнѣнія.

„Я спалъ пѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ кабинетѣ матери за колоннами,—вспоминаетъ уже отъ себя съ любовью старикъ Леонтьевъ свои дѣтскіе годы²⁾,—и какъ часто, проныпавъ зимнимъ утромъ, продолжалъ лѣниться, и, лежа на своемъ трехцвѣтномъ диванѣ, слушалъ внимательно, какъ сестра моя (только что взятая тогда изъ того же самого института, въ которомъ воспитывалась мать) читала по книжкѣ утреннія молитвы и псаломъ: «Помилуй мя,

¹⁾ „Подлипки“, кн. IX, стр. 9.

²⁾ „Расказъ моей матери...“, кн. IV, стр. 81.

Боже»... „Сестра читала, мать молилась; за стѣной, въ спальне, пылали съ веселымъ трескомъ утренній каминъ... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ зимнихъ дней, когда я просыпался на полосатомъ диванѣ; много было и вовсѣ новыхъ радостей и неожиданнаго горя; но эти утреннія молитвы все также живы въ памяти и сердцѣ; много глубокихъ перемѣнъ совершилось въ моей жизни, были тяжкіе переломы въ образѣ мыслей моихъ, но никогда и нигдѣ я не забывалъ тѣхъ словъ псалма, которыя меня тогда (почему? — не знаю самъ) особенно поразили и невыразимо тронули.. «Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничтожитъ». Я съ тѣхъ поръ никогда не могу вспомнить о матери и родинѣ, не вспомнивши и этихъ словъ псалма“...

И какъ живучи—приходится лишній разъ отмѣтить—впечатлѣнія дѣтства человѣка! Эстетизмъ, строгая государственная власть и религія въ обязательной, строго опредѣленной обрядовой формѣ—увидимъ мы—основныя черты поздняго духовнаго облика Леонтьева. Не трудно видѣть, посѣянны онѣ въ дѣтской Кудинова. И прочность материискаго вліянія предохранила Леонтьева отъ потериуваженія къ этимъ устоямъ даже въ критическій періодъ духовнаго роста. „Позднѣе, юношей, въ 50-хъ годахъ, и я, пишетъ Леонтьевъ,—заплатилъ дань европейскому либерализму; но могу съ гордостью сказать, что и въ эту безотлковую пору моей жизни я ни разу ни кощунственной насмѣшкой, ни слишкомъ настойчивыми и рѣзкими доводами плохой либеральной философіи не оскорбилъ тѣхъ личныхъ чувствъ и тѣхъ идеаловъ, которые мать моя носила въ сердцѣ своеъ непамѣнно до гроба“¹⁾.

Двадцатилѣтнимъ юношемъ, по окончаніи Калужской гимназіи, Леонтьевъ сдѣлался студентомъ-медикомъ Мос-

¹⁾ „Разсказъ моей матери...“, кн. IV, стр. 85.

ковскаго Университета (1849 г.) Факультетъ избранъ быль имъ противъ желанія, и медицины онъ не полюбиль, хотя и занимался ею со всею возможной серьезностью. По воспоминаніямъ, а еще болѣе по роману „Въ своемъ краю“, герой которого Рудневъ, несомнѣнно, имѣеть автобіографическое значеніе, первые годы студенческой жизни Леонтьева—тяжелая пора обманутыхъ надеждъ и потери спокойнаго и уютнаго міросозерцанія кудиновской дѣтской. „Въ первый разъ онъ узналъ здѣсь настоящую нужду, стала часто болѣть, едва успѣвали управляться съ непривычными занятіями. На воображеніе его раздирающимъ образомъ дѣйствовали трупы синіе, зеленые, худые, раздутые водою, удаленики, замерзшія пьяные женщины, одинокіе старички и старушки, которыхъ никто не требовалъ для похоронъ и которыхъ терзали на куски для студентовъ. Онъ долженъ былъ прожить цѣлый годъ въ борьбѣ съ самимъ собою, чтобы привыкнуть къ настоящему созерцанію смерти во всѣхъ ея самыхъ грязныхъ, самыхъ скучныхъ видахъ“¹⁾). Къ этому же времени относится первое колебаніе заложеныхъ въ его душу основъ „Я утратилъ тогда и на долгое время дѣтскую вѣру“. Результатомъ была душевная тревога. „Успокоиться на какомъ-то неясномъ деизмѣ, эстетическомъ и свободномъ, на которомъ я успокоился недолго позднѣе, я въ то время еще не могъ“²⁾), и жилъ „въ мучительномъ

1) „Въ своемъ краю“, кн. V, стр. 3.—Этотъ романъ—очень важный источникъ для біографіи Леонтьева за данное время. Какъ увидимъ ниже, именно въ студенческіе годы онъ написалъ свой романъ „Булавинскій заводъ“, принятый Тургеневымъ, но не увидавшій съѣта по цензурнымъ условіямъ. Позже все содержаніе его вошло въ романъ „Въ своемъ краю“. Герой послѣдняго одно и то же лицо съ героемъ первого: это докторъ Рудневъ, въ которомъ Леонтьевъ, по его собственнымъ словамъ („Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 108), воплотилъ „труженическую сторону своего существа“.

2) „Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 98—99.

полубезвѣріи, томясь то страхомъ небеснаго наказанія, то стыдомъ отъ своего малодушія и болѣзни”¹⁾.

Тяжелыя виѣшнія обстоятельства жизни, а больше всего, думаемъ, его душевный складъ, мѣшали Леонтьеву отдаться тому общественному настроенію, которымъ жила тогдашняя молодежь. Тургеневъ, Бѣлинскій, Герценъ, на сочиненіяхъ которыхъ воспитывался онъ, не пересилили того обостреннаго эстетизма, который гонить человѣка вдали отъ людей. „Съ другими студентами я почти не знакомился; мнѣ казалось, что они ничего не понимаютъ, и поэтому у многихъ были такія непріятныя лица; а я всегда любилъ изящное, даже и въ товарищахъ”²⁾, пишетъ Леонтьевъ... Положеніе большого студента, бѣднаго до необходимости лишать себя завтрака, вынужденнаго все время посвящать нелюбимымъ занятіямъ въ анатомическомъ театрѣ, надъ смардлыми трупами разныхъ несчастныхъ и покинутыхъ людей³⁾ исключительно ради сноснаго материальнаго положенія въ будущемъ, далеко не соотвѣтствовало запросамъ эстетической природы Леонтьева. „Меня начала мучить страшная мысль, что я «отцвѣту не успѣвшіи расцвѣсть»... Чулкатуринъ Тургенева дѣлается любимымъ героемъ Леонтьева. „Я пересталъ понимать веселые стихи, веселыя сцены. Я только понималъ страдальческія, болѣзnenыя произведенія. Когда Тургеневъ напечаталъ «Записки лишнаго человѣка», мнѣ показалось, что онъ угадалъ меня, не видавши меня никогда... Не преувеличивая скажу: я буквально *плакалъ* надъ исторіей лишнаго человѣка”⁴⁾.

¹⁾ Слова доктора Руднева: „Въ своемъ краю”, кн. V, стр. 3.

²⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ”, кн. II, стр. 98.

³⁾ Тамъ же, стр. 99.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 100.

Въ такомъ душевномъ настроеніи написаны были Леонтьевымъ первыя литературныя произведенія, по цензурнымъ условіямъ не увидавшія свѣта: комедія „Женитьба по любви“ и романъ „Булавинскій заводъ“. Леонтьевъ опубликовалъ воспоминанія о своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Тургеневымъ въ поздніе годы, когда онъ и по литературнымъ вкусамъ и еще болѣе по общественнымъ и политическимъ взглядамъ былъ рѣшительнымъ противникомъ его. Гдѣмъ не менѣе съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ онъ то, дѣйствительно, трогательное участіе, которое принялъ въ начинаящемъ писателю тогда уже известный Тургеневъ, вплоть до длиннаго урока по стихосложенію¹⁾. Тургеневъ призналъ въ Леонтьевѣ большой талантъ и замѣлся напечатать комедію и начатый романъ. „Лишний человѣкъ“ оказался не такимъ, и Леонтьевъ ожилъ...

Изъ этой поры литературной дѣятельности характерны для Леонтьева личнія отношенія къ Тургеневу. „Какъ я ни были занять своимъ дѣломъ, пишеть Леонтьевъ о своемъ первомъ посѣщеніи Тургенева²⁾, но объективность, какъ и всегда, не покидала меня и тутъ. Я не зналъ ни наружности, ни состоянія Тургенева и ужасно боялся встрѣтить человѣка, не годнаю въ герои, некрасиваго, скромнаго, небогатаго, однимъ словомъ жалкаго труженика, которыхъ видѣлъ и тогда уже прибавлялъ яду въ мои внутренніе язвы. Терпѣть не могъ я смолоду безцвѣтности, скуки и буржуазнаго плебейства, хотя и считалъ себя крайнимъ демократомъ. Герои Тургенева были все такие скромные и жалкие. Ни Рудина, ни Лаврецкаго онъ еще не произвелъ въ то время. Однако меня скоро позвали, и я былъ пріятно пора-

¹⁾ Тамъ же, стр. 111—115; первое письмо Тургенева къ Леонтьеву, отъ 12 июня 1851 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 105—106.

женъ. Тургеневъ любезно веталъ мнѣ навстрѣчу и, подавая руку, спросилъ, что мнѣ угодно? Росту онъ былъ почти огромнаго, широкоплечей; глаза глубокіе, задумчивые, темносѣрые; волосы были у него тогда темные, густые, какъ помнится, нѣсколько курчавые, съ небольшою просѣдью; улыбка обворожительная, профиль немногого грубъ и рѣзокъ, но рѣзокъ барски и прекраснѣ. Руки *кань сль* *пуетъ* красивые, «des mains soignées», большія, мужскія руки. Ему было съ небольшимъ 30 лѣтъ.. Если бы онъ и дурно меня принялъ, то я бы за такую внѣшность полюбилъ бы его. Я ужасно былъ радъ, что онъ гораздо *героинище* своихъ *героевъ*...

Письмо Тургенева, усилившее первый необыкновенно любезный пріемъ, оживило, говорили мы, Леонтьева: съ съ лихорадочной страстью отдался литературному творчеству—писанію „Булавинскаго завода“. А мысль о покровительствѣ такого лица, какъ Тургеневъ, не могла не поддерживать ея. „Сила этого вліянія удваивалась, помню, опять напечѣть Леонтьевъ¹⁾, еще и безкорыстной радостью тому, что самъ Тургеневъ такъ красивъ, такъ ростомъ величъ и плечистъ, такой «баринъ»! Мнѣ было пріятно быть обязаннымъ чеховѣкку, который мнѣ такъ нравился. Я радовался даже и тому, что онъ богатъ. Все некрасивое, жалкое, бѣдное, болѣзnenное съ виду ужасно подавляло меня тогда... И мнѣ было такъ пріятно порадоваться хоть на чужую силу, на чужую красоту, или на богатство... .

„Булавинскій заводъ“, которому отдался съ такою страстью Леонтьевъ, сказали мы, не увидѣть свѣта... Первое напечатанное имъ произведеніе относится къ 53-му году: это—первая изъ тѣхъ пяти повѣстей, которыхъ Леонтьевъ въ своей ав-

¹⁾) Тамъ же, стр 115—116.

тобіографіческой замѣткѣ¹⁾ просить внонъ не издавать: „плохи онъ и направлениe какое-то безсмысленное“. Однако літературныя занятія, столь соотвѣтствовавши душевному складу Леонтьева, не были его главнымъ дѣломъ въ студенческие годы, которые прошли главн. образ. въ усидчивыхъ занятіяхъ ненюбимой медициной; и ей Леонтьевъ обязанъ тѣмъ „реализмоmъ“, на который онъ затѣмъ не разъ ссылался въ оправданіе своей системы...

Заполнилъ ли эстетизмъ весь духовный міръ Леонтьева студента (1849—1854)? Чѣмъ былъ Леонтьевъ, „ученикъ Тургенева, Бѣлинскаго, Жоржъ-Санда, Герцена“ въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ?

Въ свою студенческую пору Леонтьевъ отдалъ, какъ онъ позже выражается, дань европейскому либерализму. Но, припоминая теперь, пишетъ онъ въ шестидесятилѣтнѣмъ возрастѣ, внимательно и добросовѣстно разные мои „психологические моменты, я увѣренъ, что и тогда въ республикахъ мнѣ нравилось не то, чѣмъ онъ отличаются отъ монархій, т. е. не равноправность и не политическая свобода, а, напротивъ, тѣ стороны великихъ республикъ, которыя у нихъ общи съ великими монархіями: сила, вырабатываемое сословнымъ строемъ разнообразіе характеровъ, борьба, битва, слава, живописность и т. д. Въ этомъ эстетическомъ инстинкѣ моей юности было гораздо болѣе государственная такта, чѣмъ думаютъ обыкновенно; ибо только тамъ много бытовой и всякой поэзіи, иль много государственной и общественной силы. Государственная

¹⁾ „Русское Обозрѣніе“ 1894, VIII; Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ деятелей. I, „Гдѣ разыскать мои сочиненія послѣ моей смерти“.

²⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“ 1851—1861 гг., кн. II, стр. 98—99.

сила есть скрытый желѣзный оставъ, на которомъ великий художникъ-исторія пѣпитъ изящныя и могучія формы культурной человѣческой жизни”¹⁾. Эти позднія слова Леонтьева если и являются выраженіемъ позднѣйшей антиперцепціи, давно прошедшихъ переживаній, то послѣдняя выражается лишь въ подчеркиваніи мыслей. Вполнѣ объективная правда: Леонтьевъ и въ воспріятіи европейскаго либерализма оставался эстетикомъ, какимъ онъ былъ и въ дѣтскіе годы...

Вѣру дѣтскихъ лѣтъ, мы видѣли, Леонтьевъ потерялъ въ самомъ началѣ своей студенческой жизни: послѣ первыхъ страданій онъ успокоился на своемъ эстетизмѣ.

Эстетическое — хотѣлось бы сказать, эстетское — отношение къ жизни заключало въ себѣ и другую возможность—равнодушное, а тѣмъ самымъ и отрицательное, отношение къ вопросамъ нравственности,— явленіе, обычное для людей означеннаго душевнаго склада. Поразителенъ фактъ: въ первыхъ юношескихъ произведеніяхъ, вопреки понятному ожиданію, почти отсутствуетъ элементъ моральный.—въ формѣ служенія меньшему брату. Докторъ Рудневъ („Булавинскій заводъ“), въ которомъ Леонтьевъ воплотилъ, какъ мы знаемъ, свои черты, мечтаетъ о „недоступномъ студенту, почти независимомъ будущемъ сельского врача“. „Я хотѣть быть *одинъ*, хотѣть быть по-далѣше отъ родныхъ, хотѣть быть «въ лѣсу», здоровъ, дѣятеленъ, *полезенъ бѣднымъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ независимъ“, пишетъ про ту пору Леонтьевъ. Вы чувствуете, какъ брошено между прочимъ это „полезенъ бѣднымъ“,—и впечатлѣніе не смягчается позднимъ оттѣненіемъ... И это въ пору, когда все здоровое среди русской интеллигенціи жило любовью къ „униженнымъ и обиженнымъ“: загоралась заря освободительной эпохи... Въ „Женитьбѣ по любви“

¹⁾) „Рассказъ моей матери“ кн. IV стр. 87.

Подготовлено Киевской Духовной Академией Ученой Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

есть одинъ весьма характерный эпизодъ, когда „храбрый“ Яницкій, имѣя мужество отказаться отъ неопасной для него дуэли, уничтожаетъ своимъ великолѣпіемъ несчастнаго Кирѣева¹)... И здѣсь—вы ясно чувствуете—дѣло все въ эстетизмѣ поступка, а не въ его моральной сторонѣ. Пусть бы на мѣстѣ Яницкаго былъ другой, не такой „красивый“, какъ онъ, хотя бы тотъ же болѣзnenный несчастный Кирѣевъ,—Леонтьевъ не ввелъ бы тогда этого эпизода въ свою комедію... Недаромъ много лѣтъ позже Леонтьевъ еще разъ останавливается на *красотѣ* именно *такого* отказа отъ дуэли²)...

Рудневъ изъ „Булавинскаго завода“ „хотѣлъ бы быть поданьше отъ родныхъ“. Отношенія Леонтьева къ своей семье болѣе, чѣмъ все другое, показываютъ весь тотъ исключительный эстетизмъ, которымъ была полна его душа. Лѣто 51 года, возбуждаемый поощреніемъ Тургенева, Леонтьевъ отдался литературному вдохновенію. Много позже вспоминаетъ это время Леонтьевъ, и мы видимъ, какъ эстетизмъ вытравилъ изъ него вслѣдъ за вѣрой и нравственность. „Благопріятнымъ обстоятельствомъ для усидчивой работы въ то лѣто было то, что ни одинъ изъ моихъ старшихъ холостыхъ братьевъ не гостили на этотъ разъ въ нашемъ Кудиновѣ. Они по многимъ причинамъ мнѣ очень не нравились и во многихъ отношеніяхъ, вѣроятно, и сами того не подозрѣвая, стѣсняли меня. Я не хочу здѣсь судить ихъ строго или нападать на нихъ—оба они уже померли. Ужъ если нужно кого-нибудь по этому поводу строго судить, то скорѣѣ всего самого себя за *слишкомъ тонкую тогдашнюю эстетику мою*... (курсивъ нашъ). „Я въ то время сталъ

¹⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 102.

²⁾ „Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева“ о. Фуделя, стр. 271: письмо самого Л—ва.

находить, что поэтъ, художникъ, мечтатель и т. п. (особенно желающей самъ быть по мѣрѣ спѣль лично поэтичнмъ) не долженъ имѣть никакихъ этихъ братьевъ, сестеръ и т. д. Можно имѣть мать, ну, пожалуй почтеннаго отца... Но братья, сестры... Особенно братья... Да ещѣ старшіе!.. Это несносно!. Права на фамильярность какую то, непониманіе, неделикатность и т. д. Я такъ сталъ думать, перейдя за двадцать лѣтъ, продолжалъ держаться этого мнѣнія очень долго... Нужно мнѣ было дойти до 40 лѣтъ и пережить крутой переломъ, возвратившій меня къ *положительной* религії, чтобы я быль въ силахъ вспомнить, что привилегіиность къ роднымъ имѣть въ себѣ нѣчто болѣе христіанское, чѣмъ дружба съ чужими по своевольному избранію сердца и ума. Христіанство, конечно, не запрещаетъ и послѣдней; оно даже одобряетъ иногда отчужденіе отъ родныхъ, если это отчужденіе происходитъ потому либо во имя *вѣры*; я не про это говорю; я хочу сказать только вотъ что: *смиренія* предъ волей Божіей гораздо больше въ принятіи данныхыхъ намъ судьбою близкихъ родныхъ, безъ вся-
каго участія нашей воли и вкуса, чѣмъ въ томъ свободномъ избраніи дружбы и любви, которою мы всѣ такъ естественно расположены дорожить. Разумѣется, самый искрен-
ній и твердый въ убѣжденіяхъ своихъ христіанинъ можетъ поссориться съ близкими и удалиться отъ нихъ; но онъ не станетъ изъ гордой позиціи какой-то обращать этого удаленія и разрыва въ принципъ, въ нѣчто въ родѣ долга самоуваженія. Мое воспитаніе—увы!—строго христіанскимъ, не было, и я уже въ это время *задумывалъ, какъ бы стать* подальше отъ братьевъ и сестеръ, не огорчая слишкомъ матери, ко-
торую я очень любилъ и жалѣлъ. И признаюсь, мнѣ стало гораздо пріятнѣе жить на свѣтѣ, когда я со всѣми ними (за исключениемъ одного) прервалъ позднѣе и навсегда всѣ сношенія“.

„Въ тотъ годъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь,—продолжаетъ Леонтьевъ,—конечно, недоброе чувство это не обращалось еще въ систематическое правило, но оно было всетаки уже настолько сильно и настолько сознательно, что мнѣ было нѣсколько непріятно знать, что даже *у Тургенева есть ни къ селу, ни къ городу какой-то братъ Николай Сергеевич..* Повторю, — если бы воспитаніе мое было болѣе христіанскимъ, то и самое удаленіе мое отъ родныхъ не доплило бы (какъ дошли впослѣдствіи) до враждебнаго съ ними разрыва. Иниціатива разрыва была моя, и выдержка въ немъ до конца тоже моя. И я былъ противъ нихъ много виноватъ и грѣшенъ! До этого было, впрочемъ, въ 51 году еще довольно далеко; но я помню очень твердо, что *въ это лѣто* явилась у меня впервые ясная, сознательная мысль о томъ, что и *съ ними*, съ этими братьями хорошо бы какъ можно рѣже видаться, и что ихъ отсутствие дѣйствуетъ на меня пріятно и даже вдохновительно“¹⁾.

Въ 1854 году Леонтьевъ окончилъ университетъ. До 1870—71 года, когда въ немъ произошелъ крутой переломъ, завершившійся монашеской келіей, духовное развитіе его шло по ясно уже намѣченному на студенческой скамьѣ пути: *Леонтьевъ вступилъ въ жизнь эстетомъ*²⁾.

Священникъ Константинъ Аггеевъ.

1) „Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 126—128.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>